

СРЕДА И ВРЕМЯ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ*

За последние полвека опубликована значительная часть материалов из архивов Андрея Платонова, составлена биографическая канва его жизни. И тем не менее писатель остается не вписанным в свою эпоху, «остранненным», как и его герои.

Н. М. Малыгина принадлежит, условно говоря, к следующему за шестидесятилетиями поколению исследователей творчества Андрея Платонова, чьи первые публикации о писателе появились в 1970-е годы.¹ Уже тогда сформировался круг интересов автора рецензируемой книги, выработались научные подходы, предполагающие изучение поэтики писателя в соотношении с его личностью и широким культурным контекстом.

Монография посвящена московскому литературному окружению Платонова. Биография писателя предстает как самодостаточная нравственно-эстетическая ценность. Малыгина опирается на современные подходы антропоцентричного биографического жанра, создавая сразу несколько тематических полей, в каждом из которых высвечивается новая грань творческой индивидуальности Платонова.

Картина литературной Москвы сталинской эпохи и места в ней Платонова, вынужденного выживать как в материальном плане, так и в психологическом, еще далека от завершения, и тому есть объективные причины: не все архивные материалы опубликованы, не все мемуарные источники учтены, а многие детали требуют уточненного комментария — ведь даже воспоминания близких родственников писателя наполнены мифами о нем.

Книга состоит из пяти глав. Первая глава монографии, частично захватывающая воронежский период жизни Платонова, описывает эпизоды вхождения молодого художника во всеобщую литературную жизнь, здесь уточняются круг изданий и даты публикаций его первых произведений. Малыгина убедительно и последовательно демонстрирует аксиологию Андрея Платонова: его авангар-

дистские жизнестроительные принципы создавали мотивацию для творчества и как писателя, и как инженера. В концепции рассматриваемой книги биографический автор и автор-творец неразделимы. Авангардистская устремленность ко всеобщему кардинальному обновлению вдохновляла Платонова на активную организационную деятельность. В 1918 году он попытался создать творческую студию для обучения пролетарских писателей. Но уже в 1919-м государство принялось регламентировать свободу литературных объединений.

Книга охватывает, по сути, литературную жизнь всей страны: в поле зрения оказываются ведущие имена, литературные направления, журналы, критика. Малыгина представляет существование писателя в логике своего времени. Через восстановление частных биографий ряда литературных деятелей проясняются нюансы идеологических расхождений пролетарских организаций 1920-х годов — РАППа, «Кузницы», «Круга». В тесной связи с политической борьбой, литературными разногласиями и человеческими амбициями прослежен расцвет и закат карьеры критика А. К. Воронского, его роль в судьбе Платонова.

Каждая из последующих четырех глав, посвященных разным этапам творчества Платонова, увязана с биографией писателей-современников. В результате тщательной работы по сопоставлению многих источников открылись новые факты, неизвестные и полузабытые имена: Сергей Буданцев, Артем Веселый; уточнены и обозначены связи Платонова, личные взаимоотношения и творческие контакты, например, с М. Горьким, Б. Пастернаком, В. Гроссманом. Как правило, автор высвечивает наиболее яркие эпизоды жизни этих художников, ранее не известные исследователям. Погружение в частности их биографий не разрывает структуру изложения платоновского жизнеописания, задавая ему новый эвристический потенциал.

Малыгина сводит в единый сюжет воспоминания современников, письма, свои собственные записи о личных встречах, архивные материалы, в том числе протоколы спецучреждений. Кропотливые изыскания помогли автору не просто значительно восполнить сведения о московском окружении Платонова, но и воссоздать обстановку и атмосферу тяжелейшего этапа советской истории. Важным представляется основополагающий методологический принцип исследования: демонстри-

* Малыгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.

¹ См., например: Малыгина Н. М. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Русская литература. 1977. № 4. С. 158–165.

руется глубоко достоверный подход к материалу советской эпохи, что позволило избежать беллетризации при углубленном внимании к психологии тоталитаризма. В книге воспроизводится сложная ментальная картина, когда, с одной стороны, писатели глубоко понимали природу власти, с другой — наивно верили в пропагандируемые идеалы. Эпоха корректировала базовые ценности. Опасно было не только дружить с опальными, преступлением считалось даже поддерживать их бедствующие семьи. Практика доноительства с ее особым жанром, не лишенным литературного лоска и отражающим сложные лабиринты сознания «подпольного человека», рассматривается как характерная черта времени. В связи с уточнением многих деталей биографии писателя Буданцева получает новое звучание его известная цитата из материалов Секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности, зафиксированная в январе 1937 года в «Спецсправке... о настроениях среди писателей». Ее автор, судя по владению материалом, явно был причастен к писательскому миру. Слова Буданцева воссозданы в яркой эмоциональной модальности. Не исключено, что информатор солидаризируется с ним внутренне и хотя бы в пасквиле выражает собственные сокровенные мысли: «Провозглашено внимание к человеку, а у писателя это должно выразиться в том, что он должен скрыть в человеке все человеческое... Сейчас перед многими из нас стоит вопрос об уходе из жизни. Только сейчас становится особенно ясной трагедия Маяковского: он, по-видимому, видел дальше нас» (цит. на с. 429).

В русле избранной исследователем методологии разновекторный повествовательный строй сочетает крупные обзорные планы с погружением в частную событийно-бытовую сторону жизни писателей, что способствует воссозданию объемной картины жизни Платонова и его соратников по литературному цеху. При этом углубляется, а иногда открывается заново (как в случае с Буданцевым) биография ряда литераторов. Помимо описания мало- или неизвестных ранее моментов из истории личных контактов Платонова с современниками, в исследовании рассматриваются взаимовлияние и типологические сближения их творчества. Так, на основе текстуального анализа, подтверждаемого устными свидетельствами, автор говорит о платоновских реминисценциях в прозе Б. Л. Пастернака: «Рассказ Тани Безочредовой, по свидетельству Е. Б. и Е. В. Пастер-

нак,² автор „Доктора Живаго“ называл „платоновским“. Особенно заметны переклички судьбы Тани с судьбами девочек-сирот из повести Платонова „Котлован“, рассказа „На заре туманной юности“ и романа „Счастливая Москва“» (с. 323–324). Кроме того, по наблюдению Малыгиной, о сближении Пастернака с Платоновым свидетельствует антропоморфный мотив всеединства, выраженный в диалоге человека с пространством, а также жанровое родство романов «Чевенгур» и «Доктор Живаго» — оба романа одновременно являются «автобиографическими и историческими» (с. 326).

Важную информацию сообщает автор, рассказывая о роли Платонова в составлении «Черной книги». Он оказался единственным русским писателем, вошедшим в состав редколлегии проекта. Именно фактом участия Платонова в этом начинании автор монографии проясняет одно из «темных мест» его биографии, а именно совпадение начала гонений на него с кампанией по борьбе с космополитизмом.

О том, через какое мелкое исследовательское «сито» пропущена информация о целой эпохе, свидетельствуют многочисленные находки автора. Например, благодаря косвенному упоминанию в письме Б. Пастернака к М. Цветаевой определено место первой встречи Платонова с Пастернаком (с. 218). Малыгина уточняет многие детали, важные для интерпретации платоновских произведений. Например, продолжены изыскания о фамилии «Ганушкин», неоднократно встречающейся у Платонова, которые подтвердили версию о реальном прототипе с такой фамилией — московском психиатре П. Б. Ганнушкине (1875–1933). Это открывает новые подходы к трактовке мотива «психиатрического государства» (наброски к роману «Македонский офицер»), до сих пор лишь гипотетически соотносимого исследователями со сталинским режимом.

Книга имеет принципиально открытую композицию, не претендуя на представление биографии Платонова как завершенной; напротив, в ней заострен обозначены лакуны и «белые пятна» в жизни и творчестве писателя, демонстрируются направления поиска сведений о недостаточно известных или не изученных моментах, требующих дальнейшего подтверждения и конкретизации.

² Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак — сын Б. Л. Пастернака и его жена.